



ПОЗИЦИЯ

ДМИТРИЙ ЕНДОВИЦКИЙ

«САМОЕ ЦЕННОЕ В ВГУ – СОХРАНЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТСКИЕ СВОБОДЫ И ДЕМОКРАТИЯ»

БЕСЕДА С РЕКТОРОМ НА ПОРОГЕ
НОВОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО СТОЛЕТИЯ

Что лет назад, 12 ноября 1918 года, в Воронежском университете состоялась первая лекция. Соответственно, сегодня мы стоим на пороге нового столетия. И начинается оно тревожно. Кажется, для классических университетов сейчас не самое благоприятное время. А у Вас, Дмитрий Александрович, нет ощущения, что мы вступаем в период, когда нашему университету придется столкнуться с новыми рисками и проблемами?

– Всё познается в сравнении. Ещё лет десять назад для российских вузов ситуация складывалась благополучно. Это были годы изобилия. У государства было много денег. Благодаря этому мы вошли во все программы, в том числе и в программу стратегического развития, когда получали по 300 миллионов рублей на развитие инновационной инфраструктуры и осуществление других проектов. После 2014 года у государства больших денег не стало. И у меня глубокое ощущение, что в такой ситуации, возможно, будет продолжена оптимизация вузов. Из многих источников идет информация о том, что данный процесс будет запущен с новой силой.

Для нас это не очень хорошо. На примере Борисоглебского пединститута мы увидели, что объединение с другими вузами – очень тяжелое бремя для университетов. И если государство захочет, условно говоря, пединституты объединять с классическими университетами, развитию ВГУ такое обстоятельство способствовать не будет.

– *Из-за крена в педагогическое направление, когда специфика классического университета будет нивелироваться?..*

– Абсолютно точно. Хорошо сбалансированный симбиоз лириков и физиков – это шикарно, но слиш-

ком большая гуманизация высшего образования в классическом университете – это, скорее, риски.

– *Вы озвучили позицию государства или свою личную?*

– Свою.

– *Тогда объясните, пожалуйста, почему резкое сокращение гуманитарного направления в нашем, в частности, университете Вы рассматриваете не просто как необходимость, а как благо?*

– Нет, тут логика другая. Я прокомментировал возможное объединение вузов. Сейчас мы самодостаточные, и желательно, конечно, чтобы к нам никто больше не присоединялся. Потому как ресурсы ограничены, и нам придется ими делиться. Имущественный комплекс у других региональных вузов, скажем так, в худшем состоянии и количественно с нами не соизмерим.

– *Понятно. Однако проблемы, как я понимаю, есть не только внешние, но и внутренние. Во все времена классический университет предполагал большой набор гуманитарных дисциплин, гуманитарных специальностей, которые сегодня сокращаются, сжимаются, как шагреновая кожа. Прямо на глазах. Эту тенденцию никак остановить невозможно?*

– Вы знаете, мы эту тему не раз поднимали в беседах с министром Ливановым, потом – с министром Васильевой... К сожалению, дальше разговоров не шло.

– *Но ведь получается, что разрушается сама идея классического университета, который просто не может быть без широкого набора гуманитарных дисциплин.*

– Есть еще одна угроза. Сегодня проекты федеральных и национально-исследовательских универ-

ситетов тихо умирают в силу закрытия финансирования их программ развития. Есть ощущение появления нового интеграционного конкурса «ведущих университетов». Вот слово «ведущий» – это лейбл, который никаким законодательным актом не закреплен. И отбираться в этот проект будут те вузы, которые имеют такую организационно-правовую форму, как автономное учреждение. Мы сейчас – федеральное бюджетное образовательное учреждение, благодаря чему худо-бедно имеем право на получение субсидий – пусть небольших, но всё же субсидий – от государства. И мы при этом обладаем огромными возможностями демократии: выше ученого совета у нас никто не стоит.

А в автономном учреждении ликвидируется сам институт выборов ректора. Руководитель будет назначаться Москвой, появится наблюдательный совет, который будет настоящим управленческим органом. И он станет диктовать правила.

– В итоге еще в большей степени снизится роль профессорско-преподавательского состава, а самым главным в университете человеком окончательно станет чиновник...

– Понимаете, какая вилка возникает? С одной стороны, мы по всем основаниям можем попасть в категорию ведущих университетов, но нам надо будет тогда менять юридический статус и отказываться от наших свобод.

– Давайте попытаемся всё же взглянуть в будущее более оптимистично. Как известно, двигаться вперед легче, если понимать, что из багажа сегодняшнего необходимо взять с собой. Что, на Ваш взгляд, у нас самое ценное?

– Самое ценное, повторюсь, это сохраненные еще со времен Дерпта (Юрьева) университетские свободы и демократия. Этого нет ни в одном другом воронежском вузе. Я имел возможность наблюдать и сравнивать поведение членов ученых советов в разных вузах. Наши «ученые мужи» сидят, обсуждают, спорят, хохочут... Те – сидят зажатые... Видно, что люди просто боятся. Чувствуется, что коллеги живут там с чувством тревоги. У нас, конечно, разгильдяйства, увы, все еще много, но вот ощущение свободы в университете – абсолютное. Дышать можно. Вот это хотелось бы сохранить.

– За свою столетнюю историю университет неоднократно менял структуру. Так случилось... В ближайшей перспективе ничего подобного не произойдет? Нет ли в планах руководства очередного слияния факультетов, расформирования каких-либо подразделений, изменения их структур?..

– Исключать этого нельзя. Хотя вопросы реорганизации факультетов пока не обсуждались. Есть просто идеи... Скажем, в одном корпусе находятся сейчас фундаментальный для классических университетов исторический факультет и молодой факультет международных отношений. В такой ситуации, наверное, логично подумать о создании на их базе Института истории и мировой экономики. Как, к примеру, в МГИМО... Ведь наши международники были частью исторического факультета изначально. А теперь на историческом факультете у нас появилось новое направление – «востоковедение», и это, конечно же, международное направление. То есть, по идее, подобный альянс возможен. Вопрос: кто лидер? Кто сможет сегодня в университете руководить гуманитарным братством? Или абсолютно понятно, что наш легендарный журфак, чтобы не отстать от жизни, нуждается во вливании «новой крови» из IT-компетенций. Без этого сейчас нельзя. Но это все пока очень далекие размышления с временным лагом в 3–4 года.

Стоит с тревогой проанализировать ситуацию, когда в результате требований офиса программы «5-100» «схлопнулись» несколько гуманитарных факультетов в один институт в нескольких крупных университетских центрах страны. В результате пошли серьезные сокращения и снижение научных гуманитарных исследований. Это вред очевидный. Жизнь покажет. Здесь важен принцип врачей: «не навреди».

– А вот то, что у нас нет факультета, который занимался бы искусствами... Может быть, в синтезе с филологией, с издательским делом, с какими-то другими гуманитарными дисциплинами, изучающими сферу культуры. Вот этот вопрос никак не возникает?

– Знаете, давайте вернемся к тому, о чем мы говорили. Знаю, что сейчас в Администрации Президента активно разрабатывается идея собрать под одной крышей, под одним министерством все ведомственные вузы. Если это произойдет, то очевидно, что Институт искусств, оказавшись в Министерстве науки и высшего образования, скорее всего, станет частью большого классического университета. Исключать такого хода событий нельзя.

Дальше. Мы с директором Художественного училища Сергеем Петровичем Гулевским не раз обсуждали идею присоединения училища к ВГУ, если бы финансы университета были более мощными... Для них это выгодно, и для нас очень интересно...

– Тем более, нам в последнее время говорят о необходимости развивать среднее профессио-

нальное направление, и в этом смысле такой альянс был бы, наверное, продуктивным...

Еще один вопрос, который не могу Вам не задать. Всегда основой университета, самой сильной его стороной был профессорско-преподавательский состав. Как Вы оцениваете современный уровень преподавательских кадров ВГУ?

– Всех наших уважаемых ученых, коллег, сотрудников я разделил бы сегодня на две группы. Одни – патерналисты, а другие – практики, которые могут и себя прокормить, и принести пользу для университета. К сожалению, тех, кто нашел себя в нашей сложной жизни, больше оказалось на естественно-научных факультетах. При ситуации, сложившейся в современной госполитике в сфере образования, им легче продавать свои идеи, как говорят, «коммерциализировать технологии». Потому что эти идеи нужны оборонке, нужны промышленности и так далее.

Гуманитариям в современной жизни намного тяжелее. Вот некоторое время назад был у нас в стране Российский государственный гуманитарный фонд. Сейчас его «растворили», теперь он часть РНФ – Российского научного фонда. И фактически количество грантов для гуманитариев уменьшилось в разы. Это плохо.

Осуждать людей за то, что на филфаке или истфаке не хотят зарабатывать на хлеб насущный, не пишут заявки, не участвуют в европейских проектах, где серьезные деньги есть, я не вправе. Но вот от этой патерналистской части нашего университета как раз и идет основная критика и в адрес власти, и в адрес ректората и т.д. Им плохо. Очень плохо! А меняться они не хотят. Да и нет возможностей.

– Ну, возможности Вы определили: то же участие в европейских проектах...

– Но ведь для этого надо обладать компетенцией проектной работы. А таких компетенций, не ломая что-то внутри себя, не приобрести. Надо над собой работать. Просто написать заявку – это одно, а постоянно поддерживать коллаборацию с вузами Европейского союза, понимать ментальность зарубежных партнеров – другое... Европейские коллеги иначе смотрят на одни и те же процессы, нежели мы...

Вот я анализировал нынешние тридцать пять проектов, которые мы ведем с «Эразмус Плюс» (ERASMUS+) в рамках Программы Жана Мане и т.д. В основном участвуют химики, физики... Кстати, лингвисты РГФ, отчасти юристы: у них это стало получаться. А вот филологи, историки, к сожалению, гордо находятся в стороне...

– Не могу не спросить о категории преподавателей, которые проработали в ВГУ по тридцать, сорок и более лет. По Вашему мнению, в нашем университете достаточно хорошо защищены их права и использованы возможности наших ветеранов?

– Думаю, не достаточно. Давайте не будем далеко ходить: вот у нас Кройчик есть, у нас Рахманин есть, Скляднев... Люди не представляют себя вне стен университета, но сил у них уже гораздо меньше, чем раньше... Здесь есть над чем подумать.

– Дмитрий Александрович, а какой проект повышения конкурентных преимуществ ВГУ Вы хотели бы реализовать сейчас? Есть у Вас в мыслях какой-то дерзкий план, который смог бы дать университету некие преимущества?

– Скажу так: есть идея, которая пока зависит от многих «если». Вот если получится у современных региональных властей, если договорятся главный инвестор Евгений Хамин, наше региональное правительство и Министерство цифрового развития, то в районе сити-парка «Град» будет построен ИТ-Технополис, где будет не просто место для ИТ-компаний, а целый городок для преподавателей, школьников и студентов. Для того чтобы готовить современных айтишников.

Вот если нам удастся заполучить большую долю влияния в этом проекте, то он сможет обеспечить университету прорывное развитие, потому что тема ИТ пронизывает сегодня всё, все сферы жизни. И культуру в том числе.

– За последние годы заметно расширилась материально-техническая база университета. Вообще, строительство, появление каких-то новых объектов, покупка новых автобусов, по моим ощущениям, стали одними из центральных задач руководства. Будет ли эта тенденция продолжаться в ближайшем будущем? Появятся ли у нас какие-то новые корпуса, лаборатории и т.д.?

– Я могу так сказать: мы получили разрешение министерства (тогда еще образования) на проектирование нового общежития. И оно должно быть построено... Тут два варианта: либо в кампусе на улице Фридриха Энгельса (там внутри большая площадка), либо в кампусе Северного района, в «Дубраве», рядом с нашим бассейном. Если думать серьезно, то для лицензирования и аккредитации необходимо, чтобы у вуза был собственный стационарный стадион. Сегодня его стоимость – примерно 120–140 миллионов рублей. Это опять-таки Северный кампус. Там стадион хорошо может вписаться: и место есть, и соответствующая площадка...

Безусловно, нам необходимо современное общежитие. Без этого мы ограничены в работе с иностранными студентами. Они же сегодня ищут вуз, где при высоком качестве образования есть очень достойные условия проживания: без тараканов, максимально удобные, отвечающие современным архитектурным требованиям. Когда мы построили девятое общежитие в Северном, за него сразу же началась битва: все хотят там жить. И это понятно: оно комфортное, современное, большое... Но мы и условия поставили: после 2-го курса, по результатам сессии, у претендента должны быть пятерки, он должен заниматься активно и студенческой, и научной жизнью... Таким образом мы формируем объективную студенческую элиту...

Общежитие и стадион абсолютно точно будем стараться построить. Что же касается лабораторий, то здесь проблему надо рассматривать несколько в иной плоскости. Мы, при всей тяжелой ситуации в экономике, наконец-то смогли расшевелить ряд крупных предприятий. За последний год создали научно-учебную лабораторию телекоммуникационных систем и радиоэлектронной борьбы АО «Концерн „Созвездие“» и базовую кафедру «Системы телекоммуникаций и радиоэлектронной борьбы». Этой осенью откроем на базе трех факультетов при взаимодействии с ведущими инновационными предприятиями Зеленограда и опять-таки АО «Концерн „Созвездие“» «Центр развития технологий искусственного интеллекта». Это очень большие деньги и прорывные исследования. ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» вкладывает 5 миллионов рублей в лабораторию машинного обучения и анализа данных – это опять-таки смежные темы с искусственным интеллектом. Председатель правления «Бионорика СЕ» профессор Михаэль Попп, который строит здесь завод, дал согласие на создание современной фармацевтической лаборатории для фармфакультета. Идут успешные переговоры с компанией «Сибур» о создании в ВГУ современной лаборатории. Группа компаний «ЭФКО», один из крупнейших агропромышленных холдингов России, объявила об открытии на базе Инновационного центра «Бирюч – Новые технологии» Центра молекулярно-клеточных технологий, который будет заниматься геномной селекцией в растениеводстве и животноводстве, а также клеточными технологиями медицинского назначения...

Иными словами, что касается современных лабораторий, то если уж не от государства, то от наших промышленных бизнес-партнеров начала по-

ступать помощь. Они наконец-то поняли, что надо вкладывать деньги в вузы. Вот где-то мы сломали условную «берлинскую стену», когда никто из бизнесменов и промышленников не хотел сотрудничать с вузом. Но это пример, я вам честно скажу, уникальный для Воронежской области: ни в один другой вуз так масштабно деньги не вкладывают. У нас так сложилось – и слава Богу.

– Ситуация с выбором профессии для потенциальных студентов с учётом этих изменений, полагаю, изменится тоже. А вообще, какие новые направления профессиональной подготовки, по Вашему мнению, могут еще появиться в ВГУ в ближайшие 5–10 лет?

– Вы знаете, я с такой радостью воспринял успешное прохождение аккредитации по медицинским специальностям – это по-настоящему серьезная победа. Теперь перед университетом стоит не менее амбициозная задача: открыть, отлицензировать инженерную специальность по эксплуатации атомных станций. Очень серьезный вызов! Мы стали опорным университетом Госкорпорации «Росатом», что приоткрыло возможности для университета в развитии образовательных и исследовательских программ в сфере атомной энергетики. Очень современный генеральный директор Нововоронежской атомной станции Владимир Петрович Поваров сам инициирует создание базовой кафедры, открытие площадок для практик на Нововоронежской атомной станции, потому что для обучения необходимо специализированное оборудование, которого, естественно, у нас нет. Атомная энергетика – это, безусловно, бриллиант. И если мы будем данное направление развивать, то со временем оно станет, быть может, самым ярким бриллиантом в короне университета.

Хотелось бы, конечно, чтобы у нас развитие получил дизайн. Но вот как к такой теме подступиться – пока не знаю... Сегодня специалисты в области промышленного дизайна нарасхват. Ну, наверное, что-нибудь придумаем... Поскольку это очень интересная и перспективная тема.

По медицинскому направлению только фундаментальной медициной мы, наверное, не ограничимся. Будем пытаться «влезать» и в другие подотрасли. Но здесь, конечно, нужна клиническая практика, а любые попытки ее получить мгновенно порождают конфликт интересов с Воронежским государственным медицинским университетом. Есть очевидные признаки ревности, когда в системе Министерства науки и высшего образования появляются свои медицинские центры.

Пример Борисоглебска тоже очень интересен. В учительском вузе мы с нуля создали подготовку в области машиностроения. Вообще, я даже не верил сам, что у нас там что-то может получиться! Но мы это сделали, и вот сейчас в Борисоглебске был первый выпуск бакалавров по машиностроению. Притом все они сразу были трудоустроены. Это стало возможным при прямой поддержке руководителей Борисоглебской администрации, Грибановского машиностроительного завода, Борхиммаша, других борисоглебских машиностроительных предприятий.

Оказалось, что до этого инженеров-выпускников на этих предприятиях набирали из Уфы – из Уфимского государственного нефтяного технического университета... То, что мы решили данную проблему силами ВГУ, – очень хорошо. И это при том, что в Борисоглебске есть филиал воронежского политеха, который в решающий момент оказался неконкурентоспособным.

У нас есть большие резервы повышения эффективности реализации магистерских программ, но здесь важно провести их ребрендинг для повышения рыночной привлекательности, а также ориентироваться на межотраслевые программы, чтобы наш выпускник получал double skills и был более привлекателен для работодателя.

По филфаку и Институту международного образования серьезным вызовом является активное включение в грантовые программы Россотрудничества по продвижению русского языка в стране и за рубежом.

– Дмитрий Александрович, Вам как ректору что сегодня мешает в реализации планов?

– Безденежье – раз. Второе – то, что людей, которые умеют работать, немного. К сожалению. Болтать, генерировать идеи мы все можем. А вот тех, кто способен работать в команде и не создавать себе и своему близкому окружению информационных проблем, мало.

А еще у нас – увы! – часто не ценят тех, кто действительно умеет работать. Вот, к примеру, не удалось задержаться в ВГУ Татьяне Михайловне Давыденко. А ведь она создала инновационную структуру в университете. Не было до нее ничего такого, будем прямо говорить. Она же воспитала преемников, передала часть контактов, мировоззренческих подходов. И вот сейчас, благодаря Татьяне Михайловне, мы можем называться действительно инновационным вузом. У нас есть система защиты интеллектуальной собственности, система коммерциализации наших разработок... Все это работает очень хорошо.

– Ведь это значит, что есть ректор Дмитрий Александрович и есть команда, которая действует не всегда в унисон.

– Абсолютно точно. Но это не то чтобы плохо. Все сложнее. Назовите экономическую систему, где ситуация складывается иначе, от страны до конкретного предприятия?.. Впрочем, можно создать команду послушных помощников, но это будет уже не «дерптская» история.

– Ваш первый ректорский срок по темпам развития был, пожалуй, одним из самых динамичных в вековой истории университета. Поэтому совершенно логично, что коллектив Вас переизбрал. У всех были надежды, что заданные Вами темпы развития университета сохранятся. Но... Наступила осень 2016-го, и произошел какой-то обвал. Начались сокращения, режим строжайшей экономии. Вы эту ситуацию никак не комментировали. Может, настало время пояснить ее? Что же тогда произошло?

– Во-первых, я категорически против, чтобы это звучало как постулат. Воспринимаю подобную оценку как эмоции лириков, не сложивших все части пазла. Университет как хозяйствующий субъект живет в конкретной экономической ситуации, если страна в 2015 году вошла в рецессионное пике, расходы на науку и образование снизились на десятки процентов, весьма сложно демонстрировать экономический оптимизм. К тому же выбранная стратегия расходов внутри университета, определенная нашими финансистами, привела вуз к отдельным видам задолженности перед поставщиками. По-простому, получая существенно меньше, мы продолжали тратить большие деньги на капитальное строительство, ремонты, масштабные закупки оборудования и прочее. Осенью 2016-го это стало очевидным. И я поставил на данный участок человека, который, может быть, не очень радует многих в университете, заставляя нас жить по средствам, экономнее, но зато мы впервые в этом году получили прибыль. То есть избавились от всех долгов...

– Уже от всех?

– Абсолютно. И я благодарен Ларисе Сергеевне Коробейниковой за то, что она профессионал в этом деле. При всей сложности экономической ситуации мы не просто живем, а успешно содержим имущество, развиваем новые комплексы в Адыгее для наших биологов и геологов, ездим в научные командировки, поддерживаем академическую мобильность студентов – мы открытый университет!

А потом – реформирование министерства... Любая реорганизация федерального ведомства за-

тормаживает работу минимум на полгода-год. С этим надо уметь работать.

Вот Вы про сокращения упомянули – это еще один важный фактор, из-за которого, между прочим, ваш покорный слуга уже два года не получает премий. Потому что мне надо было еще сократить (причем массово сократить) преподавателей. Вот педуниверситет это сделал, и у них соотношение преподавателей – студентов – 1 : 17. А у нас это соотношение – 1 : 11. Понимаете? А в 2018 году наш учредитель поставил новый ориентир: соотношение преподавателей – студентов должно быть 1 : 13. Вот и всё.

– Много еще сокращений в ВГУ должно быть?

– Пока стараюсь их больше не допускать. Тут вариант какой? Либо человек 200 выкинуть на улицу и за счет уменьшения количества преподавателей другим повысить заработную плату, либо сохранить коллектив, научные школы сохранить. Ведь настанут когда-нибудь тучные года, а людей-то уже не будет.

– А есть другой вариант: увеличить количество студентов...

– Вы знаете, больше, чем принимаем – вот эти 5,5 тысяч человек на первый курс и в магистратуру, мы принять не можем. Просто не поместимся. Мы на пределе используем все возможности универси-

тета. Если был бы еще один корпус построен, тогда можно было о чем-то таком думать. Пока же у нас нет ни общежитий, ни инфраструктуры...

– Дмитрий Александрович, в университетском столетии где-то около трети Вашего личного времени, которое Вы провели в стенах ВГУ. Если считать учебу, работу...

– Да, наверное... В восемьдесят девятом я поступил... Двадцать девять лет.

– Так вот, можете вспомнить свой самый тяжелый университетский день и самый радостный?

– Самый радостный, когда я защитил кандидатскую диссертацию. Это была такая эйфория!

– Вы же потом ещё стали едва ли не самым молодым доктором наук?

– В экономике – да. Я докторскую защитил в 29 лет. Тогда это было очень сложно сделать, тем более в Москве. Члены диссертационного совета, им всем – за шестьдесят, на меня смотрели, как на какое-то дитяtko. Помню, когда поехал в ВАК за дипломом, меня поначалу даже на порог не пустили: молодой человек, идите на студенческую скамью...

А самый сложный день – трудно сказать... Сложно было в 1990-х годах. Как Гусев (ректор ВГУ в 1987–1998 годах. – Т. Д.) удержал тогда ситуацию, можно только удивляться... Для меня 1990-е – вообще тяжелые годы.

Беседовала Тамара Дьякова